

В.Э. Вацуро

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ИЗМАЙЛОВ*

(К 75-летию со дня рождения)

В 1963 году, представляя свои работы на соискание ученой степени доктора филологических наук по совокупности трудов, Н.В. Измайлов опубликовал краткий научный отчет¹, который, по существу, есть не что иное, как материалы по истории советского пушкиноведения, текстологии и, более того, методологии советского литературоведения. Это и не могло быть иначе, ибо творческий путь Н.В. Измайлова тесно связан с историей советской филологии, начиная с первых ее шагов.

Первоначальную филологическую школу Н.В. Измайлов прошел на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1913—1914 годах мы находим его имя в списке «пушкинистов первого призыва» известного пушкинского семинария С.А. Венгерова, где он читает свою первую исследовательскую работу «Пушкин и кружок московских любителей».

Так — пятьдесят с лишним лет назад — сформировались в основных чертах характер и направление научных интересов Николая Васильевича, и формировались они в том выдающемся научном объединении предреволюционных лет, откуда вышла затем блестящая плеяда молодых исследователей Пушкина, которым суждено было уже в ближайшие годы наметить новые пути в пушкиноведении. В венгеровском семинарии, в обстановке свободы научных поисков и дискуссий,

* Статья В.Э. Вацуро была опубликована в ж. «Русская литература», № 1, 1969 г.

острого критицизма и высокой требовательности, оказалось поколебленным и первоначальное убеждение молодого исследователя, впервые прикоснувшегося к необъятному морю критической литературы о Пушкине, — убеждение в том, что наука о Пушкине сказала уже свое последнее слово, добавить к которому больше нечего. Дальнейшая деятельность Н.В. Измайлова и его товарищей по венгеровскому семинарию показала, что в пушкиноведении в это время открывалась новая глава и, быть может, даже «первая глава», как по-лемически заявил потом об этом М.Л. Гофман.

В семинарии С.А. Венгерова, занятого в это время работой над полным собранием сочинений Пушкина (изд. Брокгауз — Ефрон, 6 томов, 1907—1915), где дореволюционное пушкиноведение как бы подвело итоги своей деятельности, определились и специфические области пушкиноведческих интересов Николая Васильевича — изучение пушкинской литературной среды, биографии и текстологии Пушкина, что впоследствии оказалось чрезвычайно важным для создания новой концепции Пушкина в советское время.

В декабре 1918 года Николай Васильевич окончил университет и был оставлен С.А. Венгеровым при кафедре русской литературы для приготовления к научной деятельности. Одновременно он — слушатель Архивных курсов при Петроградском археологическом институте и зав. отделом 1-го отделения IV секции Главархива. Так закладывалась основа для многих последующих работ Н.В. Измайлова, невозможных без глубокого знания теории и практики архивного дела. В 1921 году он становится ученым хранителем рукописей, а с 1924 года — заведующим рукописным отделением Пушкинского Дома при Российской Академии наук. В эти годы начинает развертываться его самостоятельная научная деятельность. Период ученичества кончился.

Начало 1920-х годов — время интенсивной работы по изданию классического наследия... Национализация изданий классиков, сосредоточение в центральных хранилищах богатейших рукописных фондов, открытие труднодоступных и недоступных ранее архивов, как архив III Отделения, — все это привело к тому, что публикаторская работа выдвинулась на какое-то время на первый план. Николай Васильевич стал активным участником этого общего движения. Он готовит к изданию рукописи А.Н. Островского и обширное собрание писем и записные книжки А.А. Бестужева.² Однако в центре

внимания ученого продолжают оставаться Пушкин и его ближайшая литературная среда. В 1922—1923 годах выходят две работы Н.В. Измайлова — Новый сборник лицейских стихотворений³ и «Политическая эпиграмма лицейской эпохи». ⁴ Уже эти ранние статьи представляют собою образцовый по своей филологической культуре синтез текстологических, архивоведческих, биографических и историко-литературных разысканий, который в дальнейшем станет излюбленным жанром Николая Васильевича.

Ещё одной областью, которая занимала Н.В. Измайлова в эти годы, была биография Пушкина⁵. В 1924 году выходит в свет его популярный очерк жизни и творчества Пушкина, написанный при участии Б.Л. Модзалевского, — один из первых в советское время опытов такого рода.

Обостренный интерес к биографическим изучением был в известной мере унаследован от старого пушкиноведения, где было сильно влияние так называемого «биографического метода». Б.Л. Модзалевский, ближайшим сотрудником которого становится в это время Н.В. Измайлов, был одним из видных представителей этого метода, отразившим в своем научном творчестве как его достижения, так и недостатки. Его издание «Дневника», а в особенности «Писем» Пушкина (2 тома, 1926—1928) — до сего времени уникальная по богатству и точности документации энциклопедия пушкинской эпохи, с ее литературными и бытовыми реалиями, с обширными генеалогическими и биографическими экскурсами, нередко приобретающими самодовлеющее значение. Н.В. Измайлов принимал участие в издании «Писем» и испытал на себе влияние «школы Модзалевского» и в дальнейшем, когда ему пришлось выступить самостоятельно с комментариями к ряду новонайденных писем Пушкина к Е.М. Хитрово, статьей «Пушкин и Е.М. Хитрова»⁶ и статьей «Роман на Кавказских водах» — невыполненный замысел Пушкина⁷, в которой были собраны почти исчерпывающие сведения о лицах, упомянутых в планах этого неосуществленного пушкинского романа. Особый вкус к биографическим реалиям и понимание их важности для историко-литературного исследования позже сказались и в том, что именно Н.В. Измайлов взял на себя в 1930-е годы подготовку корпуса писем Пушкина в академическом собрании сочинений, а в настоящее время он же является редактором комментированных «Писем» Пушкина последних лет (1834—1837), завершающих прерванное из-

дание Модзалевских и выпускаемых ныне Пушкинским Домом. И, наконец, он же — автор работы о письмах Пушкина к Луи Геккерену, внесшей важные уточнения в историю преддвуэльной трагедии Пушкина.⁸

В 1922 году Н.В. Измайлов в числе других исследователей принял участие в публикации пушкинских рукописей из собрания А.Ф. Онегина, составивших сборник «Неизданный Пушкин». Работа была начата на основе безраздельно господствовавшего «транскрипционного» метода издания черновых текстов, т.е. возможно более точного топографического воспроизведения рукописи при помощи типографских эквивалентов. Уже в ходе этой работы стало ясно, что транскрипционный метод исчерпал себя, что авторскую рукопись даже в практических, эдичионных целях невозможно рассматривать как статическую, замкнутую величину. Это было началом коренных изменений в самих принципах текстологического изучения, за которыми потом последовали выводы общеметодологического характера, изменившие и подход к изучению творческого процесса, и представление о месте текстологии в системе филологических дисциплин. Со второй половины 1820-х годов целая группа ученых, среди которых был и Н.В. Измайлов, начинает разрабатывать новые методы анализа. Их общие контуры наметились в 1928—1929 годах, когда Б.В. Томашевский и Н.В. Измайлов готовили к публикации тексты так называемого «Майковского собрания». Авторская рукопись рассматривалась теперь как процесс, разложимый во времени, непосредственное отражение эволюции творческого замысла. Этот аналитический подход к рукописи и основанные на нем эдичионные методы и приемы были обоснованы, закреплены и развиты в работах С.М. Бонди, Г.О. Винокура и др.; реализованы же они были в академическом шестнадцатитомном собрании сочинений Пушкина, которое стало одним из вершинных достижений современной текстологии.

Новые принципы анализа рукописи, по точному определению С.М. Бонди — «не от частей к целому, а от целого к частям (и потом опять к целому)», примененные в академическом издании, требовали от текстолога ясного представления об этом «целом» — о творческой манере исследуемого писателя, его литературных связях и позиции. Н.В. Измайлов был подготовлен к этой работе всем своим предшествующим опытом изучений и разысканий. Сделанной им для III тома из-

дания сводке черновых вариантов «Анчара» предшествовала статья об «Анчаре», написанная ещё в середине 1920-х годов.⁹ Обширное исследование, впервые разделившее замыслы двух самостоятельных поэм — «Медного всадника» и «Езерского», опубликованное Н.В. Измайловым в 1930-м году,¹⁰ явилось научным обоснованием текста «Медного всадника», подготовленного Н.В. Измайловым и С.М. Бонди для V тома. Диапазон этих исследований был расширен в ходе работы над изданием; на долю Николая Васильевича выпала подготовка сложнейших текстов лирических стихотворений 1824 года и никогда ранее не публиковавшихся черновики самых значительных стихотворений зрелого Пушкина — таких, как «Осень», «Брожу ли я вдоль улиц шумных» и др. Здесь нет возможности перечислить все новые прочтения, толкования, предложенные им, блестящие конъектуры, проясняющие непонятные ранее места текста. Если развернуть и последовательно изложить всю текстологическую аргументацию, на которой покоятся эти безмолвные текстологические сводки, мы получили бы серию исследований — от частных экскурсов до монографий, посвященных сложнейшим вопросам пушкиноведения.

В конце 1930-х годов в портфеле Н.В. Измайлова находилось несколько монографических исследований, сводивших и обобщавших результаты текстологического и историко-литературного изучения отдельных произведений Пушкина. Наиболее крупной из них была работа о «Полтаве», занимавшая 12 авторских листов. Свод черновых вариантов «Полтавы», осуществленный Николаем Васильевичем, был одной из самых сложных, трудоемких и ответственных работ в академическом издании; заметим попутно, что изучение рукописей поэмы позволило несколько уточнить ее основной текст, казалось бы, канонизированный двумя прижизненными публикациями. Второй монографией была работа об «Езерском» — развитие и уточнение того, что было намечено уже в статье 1930 года.

Работы эти остались ненапечатанными; однако накопленный богатейший материал был отчасти реализован в двух статьях Н.В. Измайлова, посвященных истории создания и источникам «Полтавы», а также в его комментариях к поэмам Пушкина в издании «Библиотеки поэта»:¹¹ к ним в полной мере относится та характеристика, которую дал впоследствии работам Николая Васильевича акад. М.П. Алексеев и которую

уместно будет привести здесь: «К этому труду нельзя не отнестись с полным уважением, между прочим, и потому, что он, не собранный в своей значительной части, дошел до заинтересованного читателя не в виде... воображаемых нами томов, предназначенных зачастую только для специалистов, но воспринимался в непосредственной близости с текстами самого Пушкина, доведен был до самых широких кругов читателей Пушкина, стал необходимым и естественным пособием для понимания текстов поэта, обеспечил их дальнейшее распространение в неискаженном виде, способствовал их правильному историческому истолкованию. Разве это нельзя назвать особой, большой, почетной задачей для исследователя?»¹²

Работу над академическим собранием сочинений Пушкина прервала война.

С сентября 1941 г. Николай Васильевич находится в г. Чкалове (Оренбурге). Здесь, в Чкаловском педагогическом институте, разворачивается его педагогическая деятельность. Он читает курсы истории русской литературы и критики, ведет семинары по Пушкину и Л. Толстому. Он выступает с популярными лекциями, участвует в работе писательской организации и художественного совета театра, помещает литературные и театральные рецензии в местной печати. При этом он не оставляет занятий Пушкиным. В Оренбурге, в местах, по которым прошло Пугачевское восстание, где в 1833 году Пушкин изучал топографию и историко-бытовую обстановку крестьянской войны и собирал народную молву о Пугачеве, Николай Васильевич приступает к разработке новой темы — восстания Пугачева и, шире, народного восстания в творчестве позднего Пушкина.

Годы, проведенные в Оренбурге, дали ему точное знание исторических и географических реалий, на которые накладывалась фактическая канва биографии Пушкина. Теперь анализу подвергаются непосредственные источники «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Н.В. Измайлов изучает архивные материалы — фонд оренбургского генерал-губернатора И.А. Рейнсдорпа и дела секретной экспедиции Государственной военной коллегии об «известном злодее» Пугачеве. Так прослеживается главная линия изучения Пушкиным правительственных документов. Мы можем смело утверждать, что работами Н.В. Измайлова и других советских исследователей исторического творчества Пушкина (В.Л. Ко-

маровича, Ю.Г. Оксмана, Г.П. Блока, И.Н. Фейнберга) Пушкину было возвращено его законное место в русской историографии, право на которое отрицали за ним как современники, так и большинство дореволюционных исследователей. Но Николай Васильевич идет дальше. Он анализирует устное предание, которым широко пользовался Пушкин, и устанавливает, что при наличии двух источников, официального документа и устного рассказа, Пушкин всегда отдает предпочтение второму, — вывод существеннейший и для характеристики творческого метода Пушкина-историка и художника, и для уяснения его идеологической позиции. Все эти проблемы составили содержание двух статей Н.В. Измайлова, в основной своей части сложившихся еще в оренбургский период.¹³ К ним примыкает представляющий самостоятельный интерес историко-литературный очерк о «Капитанской дочке», написанный Н.В. Измайловым для двухтомной «Истории русского романа» — уже в Ленинграде, куда ученый вернулся в 1953 году, проработав в Оренбурге двенадцать лет. С 1955 года Н.В. Измайлов — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома), а с 1957 года — заведующий его рукописным отделом. В 1963 году ему присваивается ученая степень доктора филологических наук по совокупности трудов.

В последнее десятилетие, как и ранее, Николай Васильевич остается верен пушкинской текстологии. В 1956 и 1959 годах он читает о ней доклады на VIII и XI Пушкинских конференциях, а в 1966 году в составе коллективной монографии «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» выходит его работа, сама по себе представляющая небольшую монографию, — обобщение достижений текстологического изучения Пушкина, прослеживающее его историю, методы и приемы и содержащее сжатое и четкое изложение теоретических основ современной текстологической науки в применении к Пушкину, со всесторонним анализом академического издания. Одновременно Николай Васильевич продолжает биографическое изучение Пушкина, редактируя фундаментальный том «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов»; том этот, со вступительной статьей Николая Васильевича «Пушкин и семейство Карамзиных», вышел в свет в 1960 году.

Подобно тому, как очерк о текстологии выходит за рамки специфически пушкиноведческой проблематики, биографические работы Николая Васильевича — серьезный вклад в раз-

работку общих принципов биографического изучения; в них ставятся и практически разрешаются проблемы общественно-литературных связей писателя, т.е. проблемы его литературно-бытовой среды в широком смысле этого слова.

За этими исследованиями преимущественно биографического характера идет целая серия осуществленных, начатых и замышляемых работ историко-литературных, посвященных вопросам творческого процесса и метода: замысла и создания, источников, идейной интерпретации и художественной системы. Так была построена статья 1952 года «Мицкевич в стихах Пушкина»¹⁴ — определение личности неназванного поэта в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов», наиболее убедительное в настоящее время разрешение многолетнего спора; такова и работа Н.В. Измайлова «Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов»,¹⁵ одна из значительнейших его работ последнего времени, устанавливающая связи и творческие тенденции в лирике Пушкина последних лет. Далее следует ещё более обширный намеченный к осуществлению план работ, касающихся прозы Пушкина, его незавершенных замыслов, его исторических трудов. И среди этих углубленных изучений бесконечно разнообразного творчества Пушкина вдруг, на первый взгляд неожиданно, возникает иной сюжет — поэзия Жуковского, ближайшего предшественника и поэтического учителя Пушкина, которая подвергается столь же внимательному и компетентному изучению, начиная с пересмотра издания его текстов и до интерпретации его литературной системы в общих статьях о нем, перерастающих в оригинальное и новаторское исследование.¹⁶

Этот перечень не полон. Но он был бы дефектен, если бы в нем не было упомянуто о той работе, которая занимала Николая Васильевича на протяжении более чем десяти последних лет и заставила его на некоторое время отодвинуть на второй план то, что он считал и считает первым и основным предметом своих филологических занятий, — творчество Пушкина. Речь идет об академических собраниях сочинений и писем И.С. Тургенева (тт. I—XV — Сочинения; тт. I—XIII — Письма, 1960—1968).

Ещё в конце 1920-х годов Николай Васильевич выступил как публикатор тургеневских материалов и исследователь творчества и литературных отношений писателя. В 1930 году под его редакцией и с его вступительной статьей вышел сборник «Тургенев и круг «Современника», и тогда же он принимал

участие в издании переписки Тургенева с В.П. Боткиным. Это обращение к тургеневской теме, как стало ясно впоследствии, не было случайным эпизодом; интерес исследователя к Тургеневу не угасал, и с 1955 года, когда под общим руководством акад. М.П. Алексеева начинается обширная и трудоемкая подготовка и разработка принципов фундаментального издания, мы находим Николая Васильевича в числе его организаторов — председателем текстологической комиссии и членом редколлегии, а в дальнейшем — редактором ряда томов сочинений и писем и примыкающих к изданию «Тургеневских сборников».

«...Можно утверждать, — писал Н.В. Измайлов ещё до выхода последних томов, — что Академическое издание сочинений Тургенева прокладывает совершенно новые пути, во многих отношениях не менее новые и трудные, чем в свое время были пути Академического издания; последнее все же в известной степени было подготовлено рядом предшествующих исследований и публикаций. Издание сочинений и писем Тургенева почти не имеет таких предшествующих работ, по крайней мере в наиболее трудных текстологических вопросах обработки и публикации черновых текстов повестей и романов, не говоря о специфических трудностях, представляемых изданием писем».¹⁷

Сейчас издание закончено. Для него были выявлены и собраны воедино рассеянные в разных странах тургеневские материалы; оно ввело в научный оборот массивы не прочитанных ранее черновых текстов и сотни неизданных писем Тургенева; в нем был собран, систематизирован и осмыслен большой критический, биографический, историко-литературный материал, составивший комментарий к томам. Время исторической оценки не наступило ещё для издания, и, быть может, лишь следующие поколения литературоведов сумеют определить точные размеры его вклада в русскую и мировую науку. Но периоду исторической оценки и исторического критицизма должен предшествовать период исторического признания, и это — дело современников.

То же самое мы можем сказать и о других работах Николая Васильевича, совершающихся на наших глазах. Мы можем утверждать, что несомненными симптомами этого исторического признания являются исследования, ежегодно выходящие в свет в разных городах нашей страны и за рубежом, которые развивают наблюдения, мысли, гипотезы, высказанные

Николаем Васильевичем, или вступают с ним в плодотворную научную дискуссию. Научное творчество Н.В. Измайлова — органическая, неотъемлемая и необходимая часть современного советского литературоведения. С ним привыкли связывать понятие «академичности» в лучшем смысле этого слова — синонима эрудиции, точности, высокого уровня филологической культуры. Оно создает в то же время живую преемственную связь нашей современной науки с лучшими традициями русской науки о литературе, составляющими ее классический фонд.

На протяжении трех тысячелетий психологов и историков занимает вопрос о ритме жизни и индивидуального творчества. Древние считали «акмэ» — периодом высшего развития духовных способностей человека — возраст 30—40 лет. Но, по-видимому, Николаю Васильевичу суждено и здесь внести корректив в прежние представления. Семидесятипятилетний ученый находится в полном расцвете своих творческих сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Измайлов Н.В.* Текстологические и историко-литературные вопросы изучения творчества Пушкина: Доклад о работах, представленных на соискание ученой степени доктора филологических наук по совокупности трудов. Л., 1963 (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

² *Измайлов Н.В.* А.А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов. Сб. материалов. 1. Л., 1926, С. 1—99.

³ Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пгр.: ГИЗ, 1922. С. 35—77.

⁴ В сб.: Пушкинист IV., М. — Пгр., ГИЗ, 1922. С. 13—32.

⁵ Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л. — М., 1924.

⁶ В кн.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л.: Изд. АН СССР, 1927.

⁷ В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л.: Изд. АН СССР, 1928, С. 68—99.

⁸ См.: *Измайлов Н.В.* История текста писем Пушкина к Геккерену // Летописи Гос. Литературного музея, кн. 1. Пушкин. М., 1936. С. 338—357.

⁹ *Измайлов Н.В.* Из истории пушкинского текста. «Анчар, древо яда» // Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII. Л.: Изд. АН СССР, 1927. С. 3—14

¹⁰ *Измайлов Н.В.* Из истории замысла и создания «Медного

Всадника» // Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX. Л.: Изд. АН СССР, 1930. С. 169—190.

¹¹ См.: *Измайлов Н.В.* 1) К вопросу об исторических источниках «Полтавы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1939. С. 435—452; 2) К истории создания «Полтавы» Пушкина. Ученые записки Чкаловского педагогического института, серия филологических наук, вып. 3. 1949. С. 53—78; 3) комментарии к поэмам Пушкина в изд.: *Пушкин А.С.* Сочинения, т. II. Л.: Советский писатель, 1939 (Библиотека поэта, большая серия). С работой в академическом издании связана и статья Н.В. Измайлова «Поэма Пушкина о гетеристах. (Из эпических замыслов Кишиневского времени, 1821—1822)» (в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1937. С. 339—348).

¹² *Акад. Алексеев М.П.* Отзыв о работах Н.В. Измайлова, представленных на соискание ученой степени доктора филологических наук по совокупности трудов. 10 июня 1963 года. Архив ИРЛИ.

¹³ См.: *Измайлов Н.В.* 1) Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» // Пушкин. Исследования и материалы. Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1953. С. 266—297; 2) Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». В кн.: Исследования и материалы, т. III. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 438—454; 3) «Капитанская дочка». В кн.: История русского романа, т. 1. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 180—202.

¹⁴ См.: Ученые записки Чкаловского государственного педагогического института, серия историко-филологических наук, вып. 6. 1952. С. 171—214.

¹⁵ В кн.: Исследования и материалы, т. II. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 7—48. См. также статью Н.В. Измайлова «Стихотворение «Мирская власть». (Вновь найденный автограф)» (Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. XIII, вып. 6. 1954. С. 548—556).

¹⁶ *Жуковский В.А.* Стихотворения. Л.: Советский писатель. 1956 (Библиотека поэта, большая серия) — вступительная статья, подготовка текстов, примечания; статья о творчестве Жуковского в т. I «История русской поэзии», выпускаемой ИРЛИ (Л.: Наука, 1968. С. 237—265).

¹⁷ *Измайлов Н.В.* Текстологические и историко-литературные вопросы изучения творчества Пушкина. С. 34.

**ПУШКИНИСТ
Н.В. ИЗМАЙЛОВ**

**В Петербурге
и Оренбурге**

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»

КАЛУГА

2008